

АНДРЕЙ НОВИКОВ-ЛАНСКОЙ

СОНЕТЫ

Андрей Новиков-Ланской
Сонеты

«Издательские решения»

Новиков-Ланской А.

Сонеты / А. Новиков-Ланской — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903448-9

В книге известного московского поэта и художника представлены собственные сонеты, а также переводы и переложения знаменитых европейских сонетов разных эпох.

ISBN 978-5-44-903448-9

© Новиков-Ланской А.
© Издательские решения

Содержание

СОНЕТЫ К АВГУСТУ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сонеты

Андрей Новиков-Ланской

Переводчик Андрей Новиков-Ланской

© Андрей Новиков-Ланской, 2018

© Андрей Новиков-Ланской, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-3448-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОНЕТЫ К АВГУСТУ

* * *

Сначала я продам что подороже,
потом что подешевле, а потом
из листьев, стеблей, лепестков опавших
я соберу букет великолепный,
в хрустящую обёртку упакую
и унесу домой его. Не век же
сидеть мне торговать в цветочной лавке!
А дома я скажу себе: смотри,
сколь многого достиг ты в этой жизни —
нашёл себе пристойную работу,
и прибыль от торговли такова,
что мог бы содержать уже семью,
дарить жене букеты ежедневно,
и лепестками спальню осыпать.

* * *

Он ждал её у памятника, в сквере.
Пришёл заранее, купил цветы,
пятнадцать подмороженных тюльпанов,
единственное, что в продаже было.
И на пятнадцать длительных минут
она уже опаздывает. Впрочем,
считается простительным теперь
опаздывать на первое свиданье.
Но он волнуется – ведь, может, что-то
случилось с нею, милой и желанной...
А чуть в сторонке, из окна кофейни
она устало смотрит на него
и думает: как ей теперь идти
по улице с таким смешным букетом.

* * *

Поэзия подобна ароматам,
изысканным духам многосоставным.
Сначала ты услышишь первый запах:
он легок, прост и кажется понятным,
он быстро кружит голову, и так же
легко и быстро улетает прочь.
За ним идёт вторая нота – сердца,
её узнает человек с душою
внимательной и чувствующей – долго,

уверенно внутри она звучит.
Но если вдруг проснётся третья нота,
её аккорды, слышные тебе лишь,
собой заполнят всё пространство тела —
и для неё ты будешь только шлейфом.

* * *

Да, одержим наш первый император
метафорой строительства. То город
на местности болотистой возводит.
То прорубает в тереме окно,
в котором солнце лишь по вечерам.
То воздвигает целую армаду
трехмачтовых военных кораблей —
и вот плывут они куда не зная.
Но верит августейший только снам,
мучительным и сладострастным снам.
Едва проснётся, мелом на доске
записывает, чтобы не забыть,
и сразу же стирает, озираясь.
Как будто сны его – большая тайна.

* * *

Мне снился сон. Я видел тёмный храм,
в нём существа – крылаты и крикливы,
исполнены их морды черт козлиных,
в глазах их бешено зрачки вращались,
из их ушей валил багровый дым,
змеиными двойными языками
они искали кровь перед распятым
и приникали к ней своими ртами.
И снилось мне, что я – один из них,
слетевшихся к полуночной трапезе,
что помесь я животного и беса.
И так был близок винной крови вкус,
так сладостен пшеничной плоти запах,
что не хотелось вовсе просыпаться.

* * *

Во многих прегрешениях признался
на исповеди юный христианин.
Однако об одном не рассказал:
что выдумал он все свои грехи,
поскольку опасался, что священник
без должных покаяний не позволит

ему прийти к причастию сегодня.
Старик-священник всё, конечно, понял,
но юношу во лжи не упрекнул.
Увидел он, что будто пеленою
невинное лицо его покрылось,
что страшная какая-то болезнь
вот-вот проявится, и что не будет
другого случая пустить его к Дарам.

* * *

Три раза произнёс, как для глухих,
благию весть почтенный иерей,
перекрестились спешно прихожане
и повторили праздничный тропарь.
Пасхальной ночью переполнен храм
толпой, почти уверовавшей в бога —
и батюшка доволен: очень много
пожертвований сделано сегодня,
и значит, можно будет перекрасить
облупленные стены старой церкви
и купол, наконец, позолотить.
Нет, всё-таки, как кстати, как удачно
к сезонному весеннему ремонту
Христос воскрес – воистину воскрес!

* * *

Сменилась власть у нас, и значит, скоро
изгнанники в дома свои вернуться,
и некоторых встретят как героев,
ну а кого-то даже наградят.
И я жду человека одного:
когда-то мы безвременно расстались
из-за печальных внешних обстоятельств
и плакали, навеки разлучившись, —
оплакивали, словно над могилой,
утраченные для себя тела.
Что толку от пустых воспоминаний?
Ведь есть у нас теперь все основания
считать, что будет всё благополучно
отныне в нашем славном государстве.

* * *

Зачем мне отвоёвывать всё то,
что мне и так принадлежит по праву?
Кому и что я должен доказать?

Что если титул мой и трон похищен,
то вряд ли вор царём хорошим станет?
Самой природой будет он наказан —
не он царём рождён был, не ему
судить и властвовать в моих пределах!
А я себе ни в чём не изменил,
сопротивление было бы позором,
поскольку знаю, с кем имею дело.
Но пусть об этом знаю только я,
и пусть никто молиться не мешает
мне о моём потерянном народе.

* * *

«Россия есть Израиль», – царь сказал
и свой народ повёл на возвышение,
когда-то именованное Лобным,
Голгофой – на исконном языке.
Вообразив себя то ли Мессией,
то ль новым Моисеем, он решил
освободить избранников из рабства
и провести их через море соли —
так, чтоб вода морская расступилась.
Но не учёл могущественный царь,
что мало здесь одной монаршей воли,
что в человеке страшнее волны.
Что не спасти его и не возвысить
ни соляным столпом, ни крестовиной.

* * *

Один поэт, актёр и драматург
(действительно ли он существовал?)
обмолвился однажды, что театру
подобен этот мир, и что не стоит
серьёзно слишком к жизни относиться,
как будто что-то, кроме смены масок
и декораций, можно в ней найти.
И автора за мудреца сочли.
Вот только жаль, что он не объяснил
значение последней мизансцены,
где Занавес – центральный персонаж,
не побеждённый богом из машины,
молчащий, никогда не знавший маски,
давно уже оглохший от оваций.

* * *

Один философ как-то вышел к людям
и громким голосом стал звать на помощь —
бил в грудь себя, мычал, стонал ужасно
и призывал богов сойти с Олимпа.
На зов сбежались толпы горожан.
(С их стороны поступок неразумный!)
Философ сразу взялся за дубину
и стал охаживать ей добрых греков:
«Я звал сюда людей, а не скотов!»
Конечно, возмутились горожане.
Но спрашивается: чего же ждали
они от сумасшедшего бродяги,
который ночевал в разбитой бочке —
и умер за три века до Христа?

* * *

Настал парад планет, и астрономы
со счёту сбились, выясняя месяц,
в который Марс подействует на Землю
и вызовет восстания и войны
в сознании животных и людей —
и как же это всё предотвратить.
Мне кажется, однако, что напрасно
причину ищут только лишь на небе.
В земных делах у космоса отныне
нет прежнего почтения и власти...
Нет, с астрономами не стоит спорить!
Порою и они бывают правы —
как прав тот человек, кто своё горе
увидел не в упор, а с расстоянья.

* * *

Я наблюдал затмение Луны,
уже сокрытой под земною тенью,
и размышлял о пройденном пути,
как будто первый подводил итог:
достаточно ли я осуществил
необходимых и полезных дел,
и сколько предстоит осуществить.
И думал об одной порочной страсти,
затмившей моё зрение и слух.
Но в этих мыслях пребывал недолго:
края Луны заметно посветлели,

тончайший серп на небе появился,
и лунный свет свободно лёг на землю —
ночной, ненастоящий, отражённый.

* * *

Пожар был только словом – до тех пор,
пока вчера не обернулся явью.
Сгорел на даче небольшой сарай,
обычная садовая постройка.
Там ценных вовсе не было вещей:
лопаты, грабли, старые бумаги,
студенческие письма, дневники
и позабытые конспекты лекций.
Я думаю теперь, что слава Богу
в безветренную тихую погоду
огонь не перекинулся на дом.
Вот только этот невозможный запах
впитался в стены дома моего,
навязчивый солёный запах гари.

* * *

Соседний дом бульдозеры ломают
по плану, установленному мэром.
А следующий – мой дом в этом плане,
и скоро его очередь придёт.
Так нужно ли мне мэру возражать?
Достаточный уже накоплен опыт
по сносу разрушающихся зданий,
и, видимо, не следует жильцам
отстаивать убогое жилище —
бессмысленная трата сил и средств.
Но всё же мне отныне беспокойно.
Возможно, это просто осознание
того, что я когда-то много рушил
и ничего не выстроил взамен.

* * *

Гляжу на муравейник под сосной,
гудящий холм из высохших хвоинок —
в нём целый город жизни муравьиной,
сообщество, достойное пейзажа.
Присматриваюсь к рыжим насекомым —
их тысячи, а может, миллионы! —
и думаю, что шумный муравейник
сложился, чтоб хоть как-то защититься

от леса, от опасностей природы —
поскольку, когда вместе, то не страшно.
Так же и город все тревоги шумом,
как этот муравейник, заглушает.
И городов поэтому так много,
блестящих городов-миллионеров.

* * *

В той части города, где ты живёшь,
нет транспортных путей, как будто город,
заботясь о спокойствии твоём,
тебя от шума улиц уберёт —
ревниво спрятал от ненужных глаз
и никого к тебе не подпускает.
Но город мне отныне не соперник!
Отсутствие дорог и фонарей
меня, конечно же, не остановит.
Я вообще люблю ходить пешком,
когда есть время и, тем паче, цель!
И темнота не так уж и страшна,
если идёшь всё время только прямо,
прислушиваясь к собственным шагам.

* * *

Купаться здесь уже запрещено,
но этим уткам, видно, невдомёк.
Ничто им не мешает, их игре
в подрагивающей зелёной ряске:
ныряют, плещутся, взлетают над водой.
И беззаботность их так тешит взор.
И беззаботности ещё дней сорок,
если считать от нынешнего дня,
второго августа, Ильи-пророка,
который бросил камень или лёд,
чтоб охладились постепенно воды,
чтоб наступала повсеместно осень,
чтобы надолго наши дни и ночи
запомнились жарою нестерпимой.

* * *

Большая осень ждёт нас впереди:
поторопиться нужно с урожаем,
впрок заготовить и поглубже спрятать
и дичи настрелять ещё успеть.
Неплохо также солью запастись,

и керосином для старинной лампы —
хотя, конечно, есть у нас и свет,
и электрический обогреватель.
Но всё-таки они не так надёжны,
почти всегда ломаются зимой,
так что пускай на всякий случай будут
и керосин, и спички, и дрова.
Столько хлопот – а времени немного
осталось нам до первых холодов.

* * *

Отличие берёзы и осины
в особенной белёсости их листьев,
которая бывает так заметна
на фоне прочих лиственных и хвойных,
когда Борей какой-нибудь случайно
или Зефир проходят через лес.
Мне в этом смысле больше по душе
простой кустарник: гибкий и неяркий,
однако с мощной корневой системой,
он ни к чему по сути не стремится.
Он низок – только тем и долговечен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.